

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра всеобщей истории

И. Н. ГОМЕРОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Лекция

Новосибирск – 2012

УДК 32 (075)
ББК 66.01 я 73
Г 641

Гомеров И. Н. Политическая культура: лекция / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. 37 с.

ISBN 978-5-94356-793-3

В лекции рассматриваются особенности, элементы и основные типы политической культуры. Лекция предназначена для аспирантов и студентов высших учебных заведений. Она представляет определённый интерес для слушателей институтов и факультетов переподготовки специалистов, преподавателей средних специальных учебных заведений, учителей общеобразовательных школ и всех интересующихся политологией и политикой.

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф., действит. чл. Академии политической науки и Сибирской академии политических наук В. В. Демидов,
д-р полит. наук, проф. Р. Ш. Нуриддинов

Лекция рекомендована к печати кафедрой всеобщей истории. Протокол заседания кафедры № 3 от 24 января 2011 г.

SBN 978-5-94356-793-3

© Новосибирский государственный
университет, 2012
© Гомеров И. Н., 2012

Политическая культура

План

1. Понятие политической культуры.
2. Основные элементы политической культуры.
3. Типология политических культур и субкультур.

1. Понятие политической культуры

В мировой философской, культурологической и политологической литературе существует множество определений культуры, политической культуры и их обзоров (см., например: *Kroeber A. L., Kluckhohn C. Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions. New York, 1952; Штаерман Е. М. Проблемы культуры в западной социологии // Вопр. философии. 1967. № 1; Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972*). Они хорошо известны. Поэтому нет необходимости делать ещё один такой обзор. В этом отношении наша задача ограничивается поиском и уточнением тех подходов, которые позволили бы сформулировать рабочее определение понятия "политическая культура".

Прежде всего следует отметить, что в научный оборот термины "культура" и "политическая культура" были введены философами немногим более двухсот лет назад. В частности, слово "культура" впервые появляется в немецких книгах и словарях в последней четверти XVIII века. Понятие "политическая культура" одним из первых употребил немецкий философ XVIII века И. Гердер. Оно встречается у русского мыслителя XIX века В. И. Герье (см.: *Герье В. И. Республика или монархия установится во Франции? // Сборник государственных знаний / Под ред. В. М. Безобразова. СПб., 1877. Т. 3. С. 165*), в работах В. И. Ленина (см.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404*).

Но еще задолго до этого, как на Западе, так и на Востоке, многие мыслители использовали сходную терминологию для описания соответствующих явлений. Г. Алмонд, цитируя Библию, работы Платона, Аристотеля, других мыслителей Древней Греции и Древнего Рима, утверждает, что "нечто близкое понятию "политическая культура" употреблялось столь же давно, сколь люди говорят и пишут о политике" (см.: *Смирнов В. В. "Круглый стол" по проблемам политической культуры // Политические отношения: прогнозирование и планирование: Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1977. М., 1979. С. 126*). Аналоги рассматриваемым понятиям могут быть обнаружены и на древнем Востоке: в древнекитайской традиции – понятия "жэнь" и "жэнь чжэн", в древнеиндийской традиции – понятие "дхарма".

Концептуальные же представления о политической культуре, давшие систематизированное описание этого явления и встроившие его в некоторую теорию политики, сложились лишь в середине нынешнего столетия. Подлинно научный характер исследования политической культуры приобретают начиная со статьи "Сравнительные политические системы", опубликованной Г. Алмондом в 1956 году (см.: *Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. Aug. 1956*),

работ Л. Пая, С. Вербы, С. Хантингтона, Д. Элазара, Х. Доменигеза, Д. Девайна, А. Брауна, Д. Пола, У. Розенбаума, Л. Диттмера, Р. Такера, Е. Вятра, К. Опалека. Объясняя причины внезапной популярности понятия "политическая культура" в 60-х годах нашего столетия, Г. Алмонд отмечает, что "провал ожиданий, основанных на идеях просветительства, от политического и социально-экономического развития в мире, выдвинул ряд проблем, ответом на которые явились исследования политической культуры, а развитие социальной теории в XIX и XX вв. и методология социальных наук (прежде всего эмпирических) после второй мировой войны дало возможность для решения этих проблем" (цит. по: *Смирнов В. В.* Указ. соч. С. 126). В особенности он отмечает влияние европейской политической социологии, и прежде всего М. Вебера. Немалое значение приписывает Г. Алмонд влиянию психоантропологии, возникшей в результате слияния психоанализа З. Фрейда с антропологией и социальными науками. Начиная с работ 20-х – начала 30-х годов (Б. Малиновского, М. Мида, Г. Лассвелла) в исследовании политической культуры утверждается психокультурологическое направление, представители которого делали упор на социализации детей, бессознательной мотивации и психологических механизмах в целом. Основной вклад социальных психологов в исследование политической культуры состоит в изучении формирования, изменений и структуры политических установок, а также влияния внутригрупповых структур и процессов на эти установки.

Однако развитие именно методологии эмпирических исследований, как подчеркивает Г. Алмонд, явилось непосредственным и более сильным катализатором концептуализации исследований политической культуры. Использование точных методов выборки, улучшение методики интервьюирования, техники измерения, привнесение в политологию и социологию усовершенствованных методов статистического анализа – все это позволило, по его мнению, придать исследованиям политической культуры подлинно научный характер (см.: *Там же.* С. 126–127).

По мнению К. Опалека, концепция политической культуры является "реальным инструментом эмпирических и теоретических исследований политики". Однако сама по себе она "недостаточно ясна", а "используемый ею концептуальный аппарат далек от совершенства". Иллюстрируя это положение, К. Опалек демонстрирует многозначность ключевых терминов в концепции политической культуры: установка, ориентация, образец, политика, политическая система и т. д. Столь же многообразны (более сорока) сами **дефиниции политической культуры**, которые можно подразделить на четыре основные группы: **1) объективные, 2) эвристические, 3) всеохватывающие, 4) субъективные, или психологические.**

Согласно "**объективным**" определениям, политическая культура – это властные образцы (стандарты) поведения членов политической системы, отклонения от которых влекут за собой санкции со стороны власти. Они связаны со структурно-функциональным подходом, в рамках которого ценности рассматриваются в качестве высших объективных принципов (образцов, стандартов), обеспечивающих согласие в обществе в целом и различных его частях, малых и больших группах (Т. Парсонс). Для Д. Истона, например, политическая культура выступает как совокупность верований и представлений, определяющих политическое поведение.

"Эвристические" определения сводятся к набору предполагаемых образцов политических ориентаций, которые в случае их доминирования будут благоприятствовать стабильности или правильному функционированию рассматриваемой политической системы. При "всеохватывающих" определениях ученый занят перечислением объектов и элементов политической культуры, отказываясь ввиду ее чрезмерной сложности от поиска обобщенных характеристик.

Подвергая критике первые три определения, К. Опалек отдает предпочтение **субъективному (психологическому) определению**, разработанному Г. Алмондом и его последователями. Это – доминирующая в современной политологии группа дефиниций политической культуры. Она восходит к бихевиористской методологической установке. Здесь политическая культура определяется как "система всех политически релевантных ориентаций", присущих отдельной личности не обязательно разделяемых большинством членов общества, как "субъективная сфера политики", "психологический измеритель" политической системы, "царство субъективности, которое определяет политические действия и придает им смысл" (С. Пауэлл). Г. Алмонд и С. Верба, например, пишут: "Когда мы говорим о политической культуре, то ведем речь о политической системе, интериоризированной в знаниях, чувствах и оценках населения" (*Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 14*). Поэтому наиболее часто политическая культура описывается и эмпирически исследуется при помощи таких понятий, как ориентации (ценностные ориентации), установки, убеждения, экспрессивные символы, структурированные в определенные типы и образцы, касающиеся политики, политической системы или их частей, места индивида, социальной группы в политике и в ее системе.

Г. Алмонд и С. Верба различили три уровня политической ориентации, составляющей содержание политической культуры:

1) "*познавательные ориентации*", охватывающие знания и мнения о политической системе, ее ролях, носителях этих ролей, "входах" и "выходах";

2) "*эмоциональные ориентации*", отражающие чувства, испытываемые по отношению к политической системе, её роли, персоналу и деятельности;

3) "*оценочные ориентации*", содержащие суждения и мнения относительно политических субъектов.

Е. Вятр, разделяя в общих чертах эту позицию, включает в собственное определение политической культуры "знание политики, оценку политических явлений, эмоциональные аспекты политических установок и образцы политического поведения" (цит. по: *Смирнов В. В. Указ. соч. С. 128*). Политическая культура – это, отмечает он, совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан. К политической культуре он относит: 1) знания о политике, знакомство с фактами, интерес к ним; 2) оценку политических явлений, оценочные мнения о том, как должна осуществляться власть; 3) эмоциональную сторону политических позиций (любовь к родине, ненависть к врагам); 4) признанные в данном обществе образцы политического поведения, которые определяют, как можно и как следует поступать в политической жизни (см.: *Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 259–260*).

С точки зрения Ф. М. Бурлацкого, политическая культура – это институализированный и неинституализированный исторический и социальный опыт национальной и наднациональной общности, оказывающий большее или меньшее воздействие на формирование политических ориентаций и в конечном счете политического поведения индивидов, малых и больших социальных групп; это зафиксированная в законах, обычаях и политическом сознании "память" о прошлом общества в целом, а также его определенных элементов, в первую очередь классов и слоев (см.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: Опыт политической социологии капитализма. М., 1985. С. 197–198*). К политической культуре он относил такие явления, как "политические традиции, политическая ориентация и система политических ценностей, политическая идеология и символика, политические нормы, стандарты, стереотипы и т. п." (*Бурлацкий Ф. М. Социологические проблемы политики // Социальные исследования. Вып. 5. М., 1970. С. 49–50*). Данный и ему подобные подходы основаны, как нам представляется, на *отождествлении политической культуры и политической психологии*, что, с нашей точки зрения, недопустимо. Именно на различении этих понятий может быть создана концепция, раскрывающая суть политической культуры.

Согласно западным и восточным традициям, культура и политическая культура часто понимались как нечто духовное, идеальное, нематериальное. Так, древнекитайское понятие "жэнь" фиксировало основное отличительное человеческое качество, составляющее основу межчеловеческих отношений и охватывающее всю Вселенную, трактовалось не только как "гуманность, человечность", "человеческое начало", "любовь", "всеобщая любовь", "всеобъемлющая любовь", но и как "разум", а понятие "жэнь чжэн" – как "гуманная политика", "разумная политика" (политика, основанная на гуманности, разуме, говоря современным языком, на культуре), выступающая в качестве единственно правильного и всеобщего принципа осуществления власти. Оба эти понятия противостоят понятию "чжи", означавшему нечто изначальное, нетронутое, грубое, простое, лишенное культуры (см.: *Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 187*). Древнеиндийское понятие "дхарма" означало некий положительный образец, вечный моральный закон, которому надлежит следовать как норме (см.: *Философский энциклопедический словарь. С. 180*). Древние греки противопоставляли себя "некультурным" варварам и главное свое отличие от них видели в "пайдейе" – "воспитанности", соблюдении совокупности всеобщих правил (образцов) поведения и взаимоотношений людей (см.: *Там же. С. 293*).

В XVIII веке Вольтер, Тюрго, Кондорсе определяли "культурность" ("цивилизованность") как "разумность" тех или иных сообществ людей, противопоставляли её их "дикости" ("варварству"). В немецкой философии культура также противопоставляется природе и выступает в качестве "духа": морального (Кант), эстетического (Шиллер), субъективного (Фихте), объективного (Гегель), интеллектуального (Шеллинг). И. Гердер понимал культуру как проявление человеческого ума, включал в неё язык, обычаи, мораль, ценности, науку и образование (см.: *Там же*). Для английского исследователя культуры Э. Тэйлора культура также носит духовный характер и "слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравствен-

ности, законов, обычаев и... привычек..." (Тэйлор Э. Первобытная культура: Пер. с англ. М., 1939. С. 1).

В конце XIX – начале XX вв. Г. Риккерт и М. Вебер стали видеть в культуре прежде всего систему ценностей и идей, отличающихся друг от друга по их роли в жизни людей (см.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб, 1911; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990). Позже А. Кребер, Т. Парсонс, Р. Мертон понимали культуру как совокупность неких "образцов", систему ценностей, идей, символов, обеспечивающую упорядоченность и управляемость других - социальных - систем (см.: Kroeber A. L. The nature of culture. Chi., 1952; Kroeber A. L., Parsons T. The Concept of Culture and Social system // American sociological Review. Vol. 23. Oct. 1958; Merton R. Civilization and Culture // Sociology and social Research. 1936. Vol. 21).

Г. Алмонд и С. Верба политическую культуру также ограничивали духовной сферой. У них она представляет собой "определенный образец ориентации на политические действия" (Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 396), "совокупность ориентаций", т. е. знаний, аффектов и оценок, "в отношении политической системы и ее различных частей" (см.: Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 13–17). Л. Пай выделяет в политической культуре "основополагающие правила, управляющие поведением в политической системе", "политические идеалы", "действующие нормы правления" (см.: International Encyclopedia of Social Sciences. V. 12. P. 218), а Д. Пол "конфигурацию ценностей,... образцов... поведения, лежащих в основе политики..." (Paul D. W. The Culture Limits of Revolutionary Politics: Change and Continuity in Socialist Czechoslovakia. N. Y., 1979. P. 3).

Е. Вятр включает в политическую культуру совокупность знаний, ценностей, оценок, образцов поведения, затрагивающих взаимоотношения власти и граждан (см.: Вятр Е. Социология политических отношений. С. 259–260), а Э. Я. Баталов – систему исторически сложившихся, относительно устойчивых моделей поведения (см.: Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. С. 25). Н. М. Кейзеров под политической культурой понимает "единство политических знаний, политических норм и методов деятельности" (Кейзеров Н. М. О соотношении категорий "власть" и "политическая культура" // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 78). К этой традиции примыкает так называемое семиотическое понимание культуры. Ю. Лотман, например, определил культуру как "совокупность всей ненаследственной информации, способов ее организации и хранения" (Лотман Ю. Статьи по типологии культуры. Вып. I. Тарту, 1970).

Мы, следуем этим традициям, понимаем культуру и политическую как проявление духовного саморазвития человечества, как некоторую относительно устойчивую и целостную систему идей. Её надо отличать от природы. Культура и политическая культура нематериальны, материальны лишь средства их реализации, хранения и передачи ("трансляции").

При этом сама духовность, сами идеи, ненаследственная информация понимается как нечто объективное, противоположное субъективному миру человеческой психики (души), существующее до, после и вне психических образований,

свойств и процессов отдельных человеческих индивидов. В качестве идеальных образований выступают различного рода сочетания знаний, оценок и норм, а в качестве психических образований – ощущения, восприятия, память, представления и установки, воображение, мышление, эмоции, воля и убеждения, потребности, способности и стереотипы (умения, навыки, привычки), внимание, переживание и характер людей.

Различение идеальных и психических образований имеет здесь принципиальное значение. Первые, в отличие от вторых, запечатлены не во "внутренних" (находящихся в пределах головного мозга людей) материальных носителях, а во "внешних" – находящихся за пределами головного мозга людей – материальных носителях, обладают не субъективным, а объективным бытием, не субъективной, а объективной реальностью, т.е. существуют не только одновременно и вместе с живыми человеческими индивидами, но также до, после и вне их. Это – то, что Платон назвал миром "идей", а Гегель – "объективным духом", что отличалось ими как от мира вещей, так и от мира человеческой души (психических образований).

Идеальные образования – это, как отмечал Э. В. Ильенков, "своеобразная категория явлений, обладающих особым рода объективностью, то есть совершенно очевидной независимостью от индивида с его телом и "душой", принципиально отличающейся от объективности чувственно воспринимаемых индивидом единичных вещей"; это – "коллективно создаваемый людьми мир исторически складывающихся и социально зафиксированных ("узаконенных") всеобщих представлений людей о "реальном" мире"; это – "мир представлений", мир "универсальных, общезначимых образов-схем", который "противостоит индивидуальной психике как некоторый очень особый и своеобразный мир, как "идеальный мир вообще"...", который "объективируется не только в слове и не только в своем вербальном выражении", но "и в скульптурном, и в графическом, и в живописном, и в пластическом изображении, и в виде привычно-ритуального способа ("образа") обращения с вещами и людьми", а также в таких вещах, как "и книги,... и храмы, и клубы, и телевизионные башни и (и прежде всего!) орудия труда, начиная от каменного топора и костяной иглы до современной автоматизированной фабрики и электронно-вычислительной техники" (Ильенков Э. В. Проблема идеального // *Вопр. философии.* 1979. № 6. С. 129–131; № 7. С. 158; Ср.: *Он же.* Диалектическая логика. М., 1974. С. 183–210).

Вот почему, культуру не следует отождествлять с сознанием, а политическую культуру – с политическим сознанием. Политическое сознание входит в состав политической культуры своей "объективированной" (а не психологической) стороной, т. е. как общественное сознание. Но в ее состав входит также и "объективированное" (но не психическое) "общественное бессознательное", т. е. то, что К. Юнг называл "коллективным бессознательным".

Обозначенный выше мир объективных идей, мир человеческой культуры, противостоит не только субъективному миру человеческой души и объективному материальному (природному и искусственному) миру вещей, природе, но и объективному миру общекосмического (абсолютного) духа (включая Бога, общекосмическую ненаследственную информацию), и наследственной (биологическим путем

передаваемой от поколения к поколению) информации. Он есть творение самого человека, результат человеческой деятельности, выполняющий в ней определенную функцию.

Здесь мы исходим из традиции увязывать культуру с человеческой деятельностью, ее результатами, способами и видами, из наиболее древнего и традиционного понимания культуры как чего-то искусственного, созданного людьми, противостоящего природному, естественному и отличающегося от него. Неслучайно, понятие "культура" этимологически восходит к латинскому слову "cultura" (к культивированию, возделыванию, обработке), а в древнекитайском языке понятие "культура" этимологически связано со словом "вэнь", означающим "татуировка", украшение тела (см.: *Штаерман Е. К.* Проблема культуры в западной социологии // *Вопр. философии.* 1967. № 1. С. 5). Во всех этих случаях под культурой понимается нечто созданное людьми, а не природой: идет ли речь об окружающем человека внешнем мире или о самом человеке.

Следует согласиться с Э. С. Маркаряном, что понятие культуры "сводится прежде всего к фиксации общего качественного своеобразия человеческой жизнедеятельности и отличению ее от биологической жизни", выражает "не что иное, как специфически характерный для людей способ деятельности и объективированный в различных продуктах результат этой деятельности", что концепция культуры "должна базироваться на анализе человеческой деятельности" (*Маркарян Э. С.* Очерки теории культуры. Ереван, 1969. С. 11, 33).

Продуктивным представляется подход, акцентирующий внимание на функциональной стороне культуры, на том, какие функции она выполняет, какую роль играет в деятельности людей. Здесь функции культуры – необходимый признак ее определения. При этом функции культуры относятся не только к деятельности людей, а ко всей их жизни (см.: *Вопр. философии.* 1982. № 2. С. 60–63; *Тыщенко В. П.* Философия культуры диалога. Введение. Новосибирск, 1993), включая процессы, деятельность и взаимоотношения людей, ибо человеческая жизнь, как нам представляется, включает : а) процессы, б) деятельность и в) взаимоотношения людей. "Культура... проникает во все поры общественной жизни людей" (*Маркарян Э. С.* Культура как система // *Вопр. философии.* 1984. № 1. С. 116).

Культура есть не только результат человеческой деятельности, но и элемент человеческой жизни (включая те или иные ее процессы, деятельность и взаимоотношения людей), выполняющий в ней определенные функции. Исследователи называют ряд таких функций. В свое время Э. В. Соколов выделил следующие функции культуры: 1) преобразования и освоения мира; 2) коммуникативную; 3) защитную; 4) сигнификативную; 5) накопления и хранения информации; 6) нормативную; 7) социализирующую, или персонифицирующую; 8) индивидуализирующую; 9) эмоциональной разрядки; 10) проективную (см.: *Соколов Э. В.* Культура и личность. Л., 1972. С. 97–98).

Культура выступает важнейшим источником формирования психики каждого отдельного человека, каналом его связи со всем человечеством или какими-то его частями. Она содержит в себе как актуализированную, так и неактуализированную, как кратковременную (оперативную), так и долговременную коллективную информацию. Эта информация может быть о настоящем, ближнем и дальнем про-

шлом, ближнем и дальнем будущем. В ней всегда есть то, что функционирует только непосредственно "здесь и сейчас", и то, что живет веками и тысячелетиями ("вечные истины"). Она включает в себя информацию, описывающую события сегодняшние, будущие, недавнего прошлого или "дела давно минувших дней" различных людей (в пределе - всех поколений человечества).

С нашей точки зрения, основными функциями культуры являются, во-первых, функция *моделирования* окружающего человека мира, протекающих в нем процессов и составляющих его "внутреннее содержание" элементов, включая самих людей, их жизнь, деятельность и взаимоотношения, во-вторых, функция *регуляции этой жизни и деятельности, этих процессов и взаимоотношений, наконец*, самого этого мира. При этом регулирующая функция культуры включает в себя, во-первых, *организацию (упорядочение)*, во-вторых, *ориентацию*. Знания, оценки и нормы, входящие в любую культуру в качестве ее "внутреннего содержания", всеобщих, необходимых и достаточных элементов, не только моделируют окружающий людей мир, но и регулируют его, т. е. *организуют (упорядочивают)* его и *ориентируют* в нем людей.

Эти функции вытекают из самого понимания культуры как системы идей. А уже для Платона, если следовать интерпретации А. Ф. Лосева, идея "есть смысл, смысловая сущность и определение той или иной вещи, самый принцип ее осмысления, ее порождающая модель", "...платоновская идея как раз и является принципом конструирования... сущности вещи и, следовательно, самой вещи, то есть смысловой моделью вещи" (Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 1969. С. 158). Они выражают собой два наиболее фундаментальных, отличающихся друг от друга и даже противоположных друг другу функциональных вектора одной и той же системы – системы взаимодействия культуры и окружающего людей мира, две стороны одного и того же процесса – процесса *культурализации* окружающего людей мира. Первый направлен из окружающего мира в культуру, обеспечивает переход (перевод) элементов окружающего мира из внешнего по отношению к культуре бытия во внутреннее ее бытие. Вторым направлен из культуры в окружающий мир, обеспечивает его организацию (упорядочение) и ориентацию в нем людей, переход (перевод) элементов окружающего мира из внутреннего бытия культуры во внешнее по отношению к ней бытие.

Подобные мысли мы встречаем у ряда авторов. Философ М. С. Каган выявил "две возможные и реально существующие направленности культуры как системы – *внешнюю и внутреннюю*", среди основополагающих функций культуры называет функцию "*постоянного повышения уровня... неэнтропии*" общества – меры его "упорядоченности, организованности, в противоположность энтропии", а среди более частных – "*ценностно-ориентационную*", наряду с преобразовательной, организационной, проективной, познавательной, коммуникативной функциями и функцией социализации индивида (см.: Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 234–236), подробно говорит о моделировании культурой (в частности, искусством) жизни людей и окружающего их мира (см.: *Лекции по марксистско-ленинской эстетике*. 2-е изд. Л., 1971). О моделирующей и регулирующей (организующей, упорядочивающей, ориентирующей) функциях культуры пишет культу-

ролог Ю. М. Лотман (см.: *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970; *Он же.* Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. Вып. I).

Выделенные функции в полной мере характерны и для политической культуры. И. Л. Савранский прямо пишет, что "политическая культура" является "отражением состояния, функционирования и развития политической системы, ее своеобразной "моделью"..." (*Савранский И. Л.* Коммуникативно-эстетические функции культуры. М., 1979. С. 112). Г. Алмонд и С. Верба, как уже отмечалось, вообще отождествляют политическую культуру с политическими ориентациями. "Понятие "политическая культура"... указывает на политические ориентации... Это совокупность (a set) ориентаций в отношении особой совокупности (a special set) социальных объектов и процессов" (см.: *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 13).

Не менее важным для рассмотрения политической культуры как элемента человеческого бытия является и вопрос о соотношении понятий "культура", "политическая культура" и "политическая субкультура". Здесь также нужны пояснения. С нашей точки зрения, культура представляет собой некоторое иерархическое образование, в котором каждый ее уровень включает в себя множество субкультур другого уровня: культура человечества – культуры народов и стран, эти последние – культуры тех или иных социальных общностей, индивидов, регионов, сфер жизни. Об этом пишет группа отечественных философов: "Мировая культура складывается из множества национальных, региональных, местных и т. д. культур. Поэтому... уже не только нельзя отвлекаться от многообразия культур, но необходимо исходить из него как эмпирического факта" (*Вопросы философии.* 1982. № 1. С. 46).

Культура включает в себя наряду с политической культурой, например, культуру предпринимательства (см.: *Рюттингер Р.* Культура предпринимательства. М., 1992), "экономическую культуру" и "религиозную культуру" (см.: *Almond G., Verba S.* The Civic Culture. P. 13), а политическая культура – культуру выборов (электоральную культуру), парламентскую культуру (см.: *Роберт Г.М.* Азы парламентской культуры. New York. 1992), политическую культуру молодежи, пенсионеров, интеллигенции, предпринимателей, маргинальных слоев общества, политическую культуру Калифорнии, Квебека, Урала, Сибири, городов или сельской местности, общественного или частного жилого сектора. Можно выделить также культуру политических кандидатов, культуру их избирателей, культуру партий, политическую культуру средств массовой информации, культуру научных исследований политики. Все они представляют собой **политический субкультуры**.

При этом **субкультура рассматривается как совокупность политических ориентаций, значительно отличающихся от "культурных ориентаций, доминирующих в обществе"** (*Rosenbaum W.* Political Culture. N. Y., 1975. P. 151), а "степень совместимости между различными субкультурами" может явиться "главным фактором, влияющим на политическую стабильность данной страны" (*Holms L.* Politics in Communist World. Oxford, 1986. P.80). Все политические субкультуры имеют определенные существенные отличия как друг от друга, так и от политической культуры той или иной страны (например, политической культуры США, Индии, Китая, России) или группы стран (например, латиноамериканской полити-

ческой культуры, западноевропейской политической культуры). Например, исследователи политического процесса во Франции выделяют в качестве двух его основных субкультур пролетарскую и католическую (см.: *Франция глазами французских социологов*. М., 1990. С. 122).

Эти субкультуры, хотя и имеют отличительные особенности, сохраняют общие черты с культурой того или иного общества и его политической культурой. Как заметил Л. Дион, "политическая культура представляет собой спецификацию общего понятия культура" и "эта спецификация носит скорее аналитический, чем содержательный характер" (см.: *Смирнов В. В. "Круглый стол" по проблемам политической культуры // Политические отношения: прогнозирование и планирование: Ежегодник Советской ассоциации политических наук, 1977. М., 1979. С. 127–128*). То же самое можно сказать и о понятии "политическая субкультура", которое представляет собой "спецификацию" более общих понятий "политическая культура" и "культура".

Если культура есть элемент всей человеческой жизни, то политическая культура есть элемент отдельной ее части – политики. Однако политическую культуру не следует отождествлять с политическим поведением. Оно шире политической культуры. Последняя входит в состав политического поведения в качестве его необходимого и существенного элемента. Политическое поведение невозможно вне политической культуры, а политическая культура реализуется (проявляется) лишь через политическое поведение и внутри его. Поэтому формы политического поведения в значительной мере определяются политической культурой, но сами могут служить своеобразным индикатором ее содержания и структуры.

При этом надо иметь в виду, что любое общественное явление приобретает политический характер, становится фактом политики, если связано с формированием (овладением, удержанием, преобразованием), регулированием (ориентированием, отслеживанием деятельности, оцениванием, корректированием) или использованием (в личных, социально-групповых, классовых, этнических, общегражданских, общечеловеческих интересах) государственной власти (более подробно об этом см.: *Гомеров И. Н. Политическая система общества: компоненты, структура, функции*. Новосибирск, 1991). Здесь мы следуем философской традиции (в частности, традиции, идущей от Платона, Аристотеля, Гегеля), согласно которой любое "политическое" явление в качестве своей всеобщей исходной основы имеет то или иное "государственное" явление. Обоснованию такой позиции служит и этимология термина "политика". Как свидетельствуют источники, этот термин произошел от древнегреческого слова "polis" (государство) и имел в ту эпоху своего эмпирического референта – античный "город-государство".

Таким образом, мы можем определить **политическую культуру как относительно устойчивую систему знаний, оценок и норм, моделирующих и регулирующих политику, политическую деятельность и политические отношения**¹, когда

$$ПК = \int(ЗОН) \Leftrightarrow \left(\begin{array}{c} \text{регулирующих} \\ \text{моделирующих} \end{array} \right) \Leftrightarrow П(R_{\Pi} \wedge O_{\Pi}). \quad (1.1)$$

¹ *Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система*. Новосибирск, 1995.

2. Основные элементы политической культуры

Системно-синерго-деятельностный подход, используемый нами при исследовании политической культуры, предполагает выделение в ней того или иного набора элементов, внутренне присущих ей, устойчивых, повторяющихся, необходимых и достаточных для её существования, функционирования и развития. В качестве таковых, прежде всего, как нам представляется, выступают различные модели политических систем, политической деятельности и политических отношений субъектов и контрсубъектов политики. Существуют три основных группы элементов-моделей политической культуры:

1) **недифференцированные** (синкретические); к ним относятся *игровые, традиционно-нормативные, мифологические, теологические* и *художественные* элементы-модели, в которых знания, оценки и нормы либо не дифференцированы (не отделены) вообще, либо дифференцированы (отделены) частично и недостаточно чётко;

2) **дифференцированные** (аналитические); к ним относятся *рационально-нормативные* (мораль, право), *оценочные* и *познавательные* элементы-модели, в которых знания, оценки и нормы, сохраняя взаимосвязь друг с другом, достаточно чётко и полно дифференцированы (отделены) друг от друга;

3) **интегративные** (синтетические), к которым относятся те или иные *программы* политической деятельности, так или иначе интегрирующие (синтезирующие) в себе хорошо дифференцированные знания оценки и нормы (табл. 2.1).

Таблица. 2.1. Основные элементы-модели политической культуры

Игровые ЗОН	Традиционно- нормативные зоН	Рационально- нормативные з–о–Н
Мифологические ЗНо	Теологические зОН	Оценочные з–О–н
Художественные ЗОН	Интегративные З–О–Н	Познавательные З–о–н

Для голландского историка культуры Й. Хейзинги **игра** представляет собой изначальный импульс и элемент человеческой культуры. В своей вышедшей в 1938 году и многократно переиздававшейся книге "Человек играющий" он писал: "Культура, в ее первоначальных формах, "играется". Она не происходит из игры...; она развивается в игре и как игра" (*Huizinga J. Homo ludens. Proeve eener bepaling van het spel-element der cultuur. Haarlem, 1958*). В немалой степени это относится и к политической культуре. Игровое моделирование политического поведения – важнейший её элемент и важнейшая её функция. Без него не обходится ни одна политическая кампания. Оно характерно для любой политической культуры. Тот же Й. Хейзинга отмечал: "Вряд ли следует доказывать, что игровой фактор английской парламентарной жизни не только обнаруживается в дискуссиях и в традиционных формах собрания, но и связан со всей системой выборов. Еще более...

игровой элемент очевиден в американских политических нравах. Еще задолго до того, как двухпартийная система в Соединенных Штатах приняла характер двух teams (спортивных команд), чье политическое различие для постороннего едва ли уловимо, предвыборная пропаганда здесь полностью вылилась в форму больших национальных игр... (Хейзинга Й. Игровой элемент современной культуры // Политические исследования. 1991. № 5. С. 202–205). Характерен игровой элемент и для политической культуры современной России. Эта игра может быть жестокой, кровавой, фальшивой. Но в любом случае она предполагает наличие и взаимное признание ее участниками определенных принципов и правил, покоится на их воле к участию в игре. Подлинная политическая культура всегда требует честной игры, порядочности. Уклонение от установленных и признанных правил или их нарушение ведет либо к разрушению самой политической культуры и всей политической системы, либо к лишению нарушителей возможности дальнейшего участия в политике. Игровое моделирование используется для тренинга политических субъектов (например, кандидатов на государственные должности), для изучения их поведения, их реакций на политическую рекламу, паблисити, имиджа тех или иных политиков.

Составной и нередко определяющей частью политической культуры являются **традиции**. Они относятся к числу тех наиболее распространенных её феноменов, которые существенно влияют на поведение и политический выбор участников политического процесса, на выработку и осуществление ими своих политических решений.

В современной науке традиции понимаются как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при которых поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом (Ю. А. Левада). Они представляют часть социального и культурного наследия, передающуюся от поколения к поколению и сохраняющуюся в определенных сообществах в течение длительного времени.

В качестве традиций выступают те или иные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды (см.: Дряхлов Н. И. Традиции и модернизм в современной России // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 36). Примером возвращения забытых традиций в России стало посещение новыми руководителями церковных церемоний, название законодательного органа страны "Государственная Дума", возрождение земского движения.

Политические традиции могут исключить или значительно упростить политический выбор людей, обеспечить его быстроту и предсказуемость. Там, где они очень сильны, многие вопросы определены предельно точно. Вместо того, чтобы обосновывать и защищать свою позицию в выборе той или иной альтернативы, человек отделяется простым ответом – "по традиции". В этом случае у него возникает чувство принадлежности к сообществу или какой-то его части, удовлетворяющее одну из фундаментальнейших его потребностей (потребности в причастности, принадлежности к чему-либо или кому-либо).

Традиции безличны. Человек реагирует здесь не на личность, а на принятые в данном сообществе нормы, например, голосовать за представителей той или иной партии, социальной группы. Традиция, возможно, лучше всего воздействует на

тех участников политического процесса, которые мотивированы защищенностью и принадлежностью, а не компетентностью, уважением и успехом.

С особой силой традиция возрождается в кризисные периоды, потому что действующие силы в политике ищут точки отсчета и ссылки, пытаются решить новые проблемы. Обращение к традиции может в этом случае либо придать им дополнительные силы для решения кризиса, либо, наоборот, дезориентировать их, если они просто накинут на себя одежды прошлого (см.: *Huard R. La tradition politique: emergence, contenus, devenir // Pouvoirs. 1987. № 42. P.16*)

К числу традиционно-нормативных элементов политической культуры относятся также **политические обычаи и ритуалы, политическая мода**. Если политический обычай – это длительный массовый стандарт политического поведения, то политическая мода – его кратковременный (непродолжительный) массовый стандарт. Политический же ритуал представляет собой фиксацию установленного способа политической деятельности, канонизированную церемонию (процедуру) определенного политического поведения, или, говоря словами А. Валлона, "...наглядное изображение действия" (*Валлон А. От мысли к действию. М., 1965. С. 125*) того или иного участника политического процесса.

Существенную роль в политической культуре играют **политические мифы** (см.: *Щербинина Н. Г. Героический миф тоталитарной России. Томск, 1998; Она же. Герой и антигерой в политике России. М., 2002; Она же. Политика и миф // Вестн. МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. № 2; Она же. Политический миф России: Курс лекций. Томск, 2002*), зафиксированные в коллективном бессознательном. Г. Лассуэлл, изучая структуру "политического мифа", определил его как "повторяющийся набор утверждений и ключевых политических символов, составляющих содержание определенной политической информации" (*The prestige papers; comparative study of political symbols / By Jthiel de Sola Pool e. a. Cambridge (Mass). London, 1973. P. 10*).

Характерной чертой политических мифов является относительная долговечность, аисторичность, открытость. Их следует рассматривать как совокупность потенциально значимых сил, опирающихся, в основном, на оценочно-эмоциональную сферу политического поведения, на отождествление способов политического мышления и политического бытия, отсутствие сомнений в истинности последнего. "В мифе способ мышления и способ бытия тождественны, поэтому нет сомнений в истинности бытия" (*Библер В. С. Из "заметок впрок" // Вопр. философии. 1991. № 6. С. 21*). По мере необходимости они дополняется новыми характеристиками.

Политические мифы функционируют как на уровне общества в целом или какой-то его части, так и на уровне личности. На личностном уровне они проявляют такие свойства, как: 1) опору на веру, а не на знание; 2) навязывание личности обществом или какой-то его частью чего-нибудь или кого-нибудь; 3) неподверженность проверке (верификации) на основе опыта; 4) опору на авторитеты; 5) сильное эмоциональное воздействие; 6) иррациональность. Ими выполняется интегрирующая функция по отношению к социальным группам, средством которой может служить, например, персонифицированные символы или какие-нибудь доминирующие оценки (идеологеммы), а также функция идентификации личности с цен-

ностями и целями, выходящими за ее повседневный опыт, способствуя ее включению в более широкое "поле" личностно-групповых политических отношений. В экстремальных ситуациях политические мифы организуют общество вокруг какой-то одной идеи или личности, вокруг какого-то одного события (см.: *Основы политологии*. Реферат академического пособия "Наука о политике" под ред. А. Боднара. М., 1990. С.57–58).

Французская исследовательница Мари-Кристин д'Энрюг в своей монографии "Контент-анализ и словесный акт" считает, что для "удобства" изучения структуры "политического мифа", его специфических особенностей следует сконцентрировать внимание на ключевых политических символах, встречающихся в потоке политических заявлений и глубоко внедрившихся в жизнь современного общества, ставших "личным опытом" каждого человека. Ключевые политические символы выступают как в словесной форме в виде политических терминов, концепций и т. п., так и в изобразительно-выразительной форме в виде флагов, государственных гербов, памятников и т. п. Анализ политически значимой информации, в основе которого должен лежать лишь учет частоты распространения ключевых политических символов, позволяет, по ее мнению, выявить наиболее характерные черты тех или иных политических доктрин, течений, взглядов и т. д. (см.: *D'Unrug M.-Ch. Analyse de contenu et acte de parole*. Paris, 1974).

Весьма существенна роль в политической культуре **религии**, которая заметно влияет на политическое поведение. Это характерно для многих стран. Так, французский политолог А. Дюамель показал, что религиозный фактор существенным образом влияет на политический выбор французских избирателей. Более того, религиозный фактор почти в четыре раза больше воздействует на поведение избирателей, чем фактор пола, в восемь раз больше, чем фактор профессии, в девять раз больше, чем фактор возраста (см.: *Sondages*. 1966. № 2. Р. 19). Тем более, что во Франции в конце 80-х годов около 85 % французов, хотя бы формально, считались католиками (см.: *Annuaire statistique ecclesiae*. 1987. Р. 39). Отмечая значение религии, надо различать, считают французские политологи, не только религиозную принадлежность избирателей, но и их религиозную активность (убежденность). Анализ религиозной принадлежности французского электората показывает, что чем религиознее избиратель, тем больше вероятности, что он проголосует за более "правового" кандидата.

Политика в значительной мере представляют собой результат **искусства**. Она нередко проводится по законам искусства. Люди живут в ней по этим законам. В рамках художественного моделирования политики заметную роль играют различные виды искусства. Всё их многообразие можно свести к пространственным, временным и пространственно-временным. К первым, например, принадлежит изобразительное и архитектурно-прикладное искусство, ко вторым – словесное и музыкальное искусство, к третьим – актёрское и хореографическое искусство (см.: *Каган М. Морфология искусства. Историко-теоретическое исследование внутреннего строения мира искусств*. Ч. I, II, III. Л., 1972). В политической практике, например, часто используется художественная литература. Прежде всего это относится к поэзии.

Для агитационных материалов в России характерно ограниченное использование фотографий (и то только фотографий самих кандидатов, как правило, имеющих "официальный" характер), почти полное отсутствие рисунков, слабое использование иконических знаков вообще. Хотя графические изображения символов кандидатов и партий использовались довольно часто. Например, эмблема блока "Выбор России" – щит, весь исписанный заборными и настенными надписями.

В телевизионном ролике Российского движения демократических реформ на экране крупным планом появлялись фотографии первых трех его лидеров А. Собчака, С. Федорова и О. Басилашвили, а затем - уменьшенные фотографии 10 наиболее известных кандидатов, представляющих различные социальные группы.

В телепередачах Партии Российского единства и согласия выдвижение основополагающих идей сопровождалось видеорядом: фрагменты трудовых будней, улыбающиеся лица их участников, народные мотивы, просветленные лица стариков и детей, взмывающие в небеса космические корабли и пенящие морские волны атомные подводные лодки.

Большую символическую нагрузку в политической культуре несут национальные (государственные) гимны., которые представляют собой, как пишет К. Серулоу, "музыкальный эквивалент девиза, герба и флага страны. Как таковые они представляют идентичность или характер нации - ее настроение, желания и цели, как они сформулированы теми, кто стоит у власти. Гимны, подобно другим национальным символам, становятся чем-то вроде "визитной карточки" нации. Они суть современные тотемы - знаки, с помощью которых народы отличают себя друг от друга или подтверждают границы своей "идентичности" (Cerulo K. Sociopolitical Control and the Structure of National Anthems // Social Forces. 1989. Vol. 68. N 1. P. 78).

подавляющее большинство партий и кандидатов использовали в избирательной кампании 93-го года музыкальные клипы. В телеролике <<"Выбор России" представляет>> появление тучь, церковной символики, подделанных под изношенную кинохронику кадров событий октября 93-го происходило под аккомпанемент известного романса. В радио-ролике кандидата А. Филичева (г. Новосибирск) использовался напев "Голосуйте за Фи-ли-че-ва-а-а...".

Большую роль в политической культуре играют театрализация и элементы праздника. Нередко их использование в избирательной кампании приводит к вовлечению в нее значительного числа избирателей. Некоторые из них, активно используемые в советский период, описаны, например, А. И. Мазаевым (см.: *Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. М., 1978*).

Невозможно переоценить влияние на политический выбор юмора. Как показали Д. С. Лихачев и А. М. Панченко (см.: *Лихачев Д. С., Панченко А. М. "Смеховой мир" Древней Руси. Л., 1976*), смех включает в себе и разрушительную, и созидательную силу. Он нарушает существующие в жизни отношения и значения, показывает их бессмысленность и нелепость, "оглуляет", "вскрывает", "разоблачает", "обнажает", возвращает миру его "изначальную" хаотичность, отвергает неравенство и все, что к нему ведет, на время снимает с человека обязанности соблюдать существующие в данном обществе нормы поведения. Но он же создает -

хотя и в воображении - новый мир: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, мир логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, желанный и беспечный мир, мир антикультуры, противостоящий миру осмеиваемой культуры. Он дает человеку ощущение своей «отстранённости», незаинтересованности в происходящем или случившемся, снимает психологические травмы, облегчает людям их трудную жизнь, успокаивает и лечит, восстанавливает в своей сфере нарушенные в другой сфере контакты между людьми, превращает их в своего рода "заговорщиков", видящих и понимающих что-то такое, чего они не видели до этого или чего не видят другие.

Основные функции смеха в политической культуре – обнажать, обнаруживать правду, раздевать реальность от покровов этикета, церемониала, искусственного неравенства, от всей сложной знаковой системы данного общества. Высмеять означает духовно уничтожить конкурента.

В качестве каналов производства и трансляции такого смеха являются персональные встречи политиков и их доверенных лиц с избирателями, их одежда, внешний вид, жесты, мимика, радио, телевидение, газеты, устное народное творчество (анекдоты, сказания, слухи, сплетни), листовки, плакаты. Сатира, пародии, балагурство, глум, юмор, притворство, ругательство, ирония, шутка, дурачество - вот наиболее распространенные формы проявления смеха в политической культуре. Бессмысленность предстоящих в декабре 1993-го года выборов была отражена в опубликованной еженедельником "Собеседник" карикатуре, на которой предвыборные программы и названия партий были изображены напечатанными на рулоне туалетной бумаги.

К аналитическим элементам политической культуры относятся **познавательные, оценочные и нормативные модели** политического поведения. *Политические знания, ценности и оценки, мораль и право* во многом определяют характер принимаемых участниками политического процесса решений. К сожалению, нынешняя политическая культура, особенно в нашей стране, испытывает глубокий политико-познавательный и нравственно-правовой дефицит, кризис ценностей и оценок. Здесь существует немало проблем. Информированность избирателей о политических силах (партиях, движениях и т.д.) и событиях, а также о самих выборах, как правило, невысока. Как показали опросы, проведенные Сибирским кадровым центром (с участием Е. А. Бойко, Н. Д. Вавилиной, А. В. Лифановым, В. С. Падалко и автором этих строк) накануне выборов в Совет Федерации России осенью-зимой 1993 г., половина (50,0 процента) избирателей Дзержинского района г. Новосибирска вообще не знала правил выборов, четверть (25,0 процента) была знакома лишь с некоторыми положениями, а 5,3 процента заявили, что знают эти правила хорошо. Значительная их часть не верила в возможность проведения демократических выборов (48,2 процента, тогда как верили 5,3 процента и затруднились ответить 39,2 процента).

Для многих нынешних избирателей традиционные ценностные, моральные и правовые устои оказались разрушенными. По убеждению Б. Кроче, моральное сознание Европы к началу XX века было большим: вначале рухнула вера в религию, затем в рационализм и либерализм (см.: *Croce B. Storia d'Italia, dal 1871 al 1915. Bari. 1967*). П. Сорокин в книге "Власть и мораль", написанной совместно с

американским социологом Уолтером Ланденом, отмечал ряд характерных для политических деятелей черт. С его точки зрения, чем больше власти у правящей верхушки, тем преступней она и безнаказанней. Поведение политиков имеет тенденцию к безнравственности. В их среде доминирует скорее "моральная шизофрения", чем действительно позитивная мораль. Здесь больше себялюбцев, циников, агрессивных карьеристов, бездумных, чем в любой другой социальной группе. (Sorocin P. A., Lunden W. A. Power and Morality. Boston, 1959. P.36–37).

Достаточно подвижными оказались и ценностные (оценочные) доминанты политической культуры. Так, во Франции на смену доминантной мечте об идеальном будущем обществе, универсальным общественным проектам, стремлению "выковывать" нового человека" к концу 1970-х годов пришла иная доминанта – "жить сегодняшним днем", "здесь и теперь", "выращивать свой садик", "сохранить себя молодыми" (см.: Lipowetsky G. L'ere du vide. P. 1983. P. 12), ценности традиционного консерватизма (религии, патриархальной семье, "порядку и дисциплине"). В 1984 году около 30 % опрошенных французов выше всего ставили традиционные ценности: семью, труд, родину, порядок (см.: Express. 12. X 1984. P. 52). Доля лиц, требовавших уменьшить вмешательство государства в экономику и расширить свободу предпринимательства, возросла с 33 % в 1973 г. до 72 % в конце 1984 (см.: SOFRES. L'Opinion publique. 1985. P., 1985. P. 99). Позитивно оценивали понятие "социализм" 56 % опрошенных в апреле 1980 г. и 45 % в феврале 1985 г., понятие "национализация" – соответственно 40 и 33, понятие "планирование" – 43 и 37. Напротив, доля лиц, относящихся позитивно к понятию "конкуренция", возросла с 67 % в апреле 1980 г. до 71 % в феврале 1985 г., к понятию "прибыль" – соответственно с 37 до 47 %. Происходила и реабилитация понятия "либерализм" (см.: Expansion. 1985. N 1778. P. 17). Однако они не хотели при этом терять "социальные достижения". В 1984 г. 73 % опрошенных хотели сохранить 5-ю неделю оплачиваемого отпуска, 66 % – налог на крупные состояния, 50 % – закон об уменьшении пенсионного возраста с 65 до 60 лет. 55 % опрошенных не хотели облегчения процедуры увольнения процедуры увольнения с работы ради гибкости рынка труда, 47 % не одобряли идеи развития частной системы медицинского страхования за счет государственных касс социального обеспечения (см.: SOFRES. L'Opinion publique. 1985. P., 1985. P. 96, 97). В апреле 1980 г. 61 % опрошенных положительно воспринимали термин "участие" (в общественно-политической жизни), а в феврале 1985 г. – 70 % (см.: SOFRES. L'Opinion publique. 1985. P., 1985. P. 101).

Согласно разработанной Б. Катля концепции культурно-психологической эволюции современной Франции, в 1930–1940-х годах здесь господствуют ценности стабильности и ригидные нормы образа жизни "утилитаристского сельского общества". В 1960-е годы доминируют ценности удовольствия, досуга, моды и потребления, "модернистского инновационного изменения", типичные для авантюрного стиля жизни. С конца 1960-х и в 1970-е годы нарастает девальвация американизированных индустриально-технократических ценностей, на их смену приходит, во-первых, ценностная доминанта пассивного, спокойного, "безопасного" образа жизни в кругу семьи и друзей, во-вторых, маргинальная, асоциальная и абсентистская ценностная доминанта, предполагающая в то же время формальное

соблюдение господствующих социальных норм, отсутствие духа протеста. В 80-х годах усиливается доминанта ценностей морального консерватизма, порядка, иерархии, собственности, специфического образа жизни (см.: *Cathelat B. Styles de vie. P.*, 1985. Т. 1–2; *Cathelat B. Les styles de vie des Francais. 1978–1998. P.*, 1977; *Франция глазами французских социологов. М.*, 1990. С. 136).

Заметные изменения в ценностных доминантах произошли за годы советской власти. Так, на вопрос: "Что бы я делал, если бы все мог?" – в 1927 г. 32 % из всех опрошенных молодых людей (3452 человека) решили в этом случае проявить заботу о личном благополучии. В исследовании 1967 г. таких оказалось в 2 раза меньше (16 %). В то же время выбравших различного рода общественно полезные виды деятельности в 1927 г. было 12 %, а в 1967 г. – 52 % (см.: *Гурова Р. Г. Выпускник средней школы. М.*, 1977. С. 169–170).

Одной из ведущих ценностей современной российской политической культуры является "порядок". Это один из ключевых элементов нынешней политической лексики России (см.: *Демидов А. И. Порядок как политическая ценность // Социологические исследования. 1992. N 3*). Данные опросов новосибирцев (проведенные социологами НГУ под руководством Ф. Бородкина) в 1994 году свидетельствуют, что доминирующими ценностями у многих из них стали семья, будущее детей, собственный дом, личный успех.

Любая политическая культура содержит в своем составе множество различных **программ**. Их имеют все участники политики (например, избиратели, кандидаты, группы поддержки кандидатов). В числе этих программ можно назвать программы формирования у избирателей мотивации на участие в выборах, принятия и реализации решений, программы исследования окружающей среды, программы политической рекламы и паблисити, программы составления текста рекламного сообщения, выступления на телевидении или радио, подготовки статьи для газеты, распространения рекламных сообщений, персональных встреч кандидата с избирателями, подготовки выступления кандидата перед избирателями, формирования целей избирательной кампании, выбора целевых групп избирателей, определения кандидатов, построения имиджа кандидата, контроля и оценки выборов, работы со средствами массовой информации, финансового или юридического обеспечения кампаний.

Важным элементом политической культуры являются предвыборные программы (предлагаемые варианты решения стоящих перед обществом и людьми проблем, предлагаемые варианты политического курса) партий и кандидатов, а также ориентации участников выборов на эти программы. Проведенный накануне выборов в Верховные Советы Союзных Республик и местные советы 1990 г. опрос почти четырех тысяч жителей городов и сел двух областей Нечерноземной зоны РСФСР, Татарской АССР и Донецкой области показал, что избиратели готовы отдать предпочтение прежде всего тем кандидатам, которые предложат им наиболее конструктивную, реалистичную и близкую их интересам программу: 50–60 % опрошенных выдвинули это качество на первое место.

Предвыборные программы могут принадлежать "независимым" кандидатам или партиям, от имени которых их выдвигают и отстаивают кандидаты. Избиратели могут обращать особое внимание либо на их содержание, либо на их форму,

либо на то и другое одновременно. Но в любом случае важно, в какой мере они совпадают с представлениями избирателей о путях решения государственных и общественных проблем и о важности самих этих проблем.

Выдвигаемые партиями и кандидатами проблемы по отношению к ним избирателей могут быть дифференцированы на четыре группы:

1) проблемы, которые вообще не интересуют избирателей;

2) проблемы, которые волнуют избирателей, но считаются ими производными от других, более фундаментальных проблем, или менее важными по сравнению с ними;

3) проблемы, которые избиратели считают важными, но не связывают возможность их решения с результатами выборов;

4) проблемы, которые избиратели не только считают важными, но и связывают возможность их решения с результатами выборов.

Именно последняя группа проблем определяет отношение избирателей к голосованию. На них и должны сосредотачиваться кандидаты и их группы поддержки. Им следует предложить свой вариант решения этих проблем, отличный от вариантов других кандидатов.

Избиратели, которые считают выдвинутую кандидатом проблему важной и связывают возможность ее решения с результатами выборов, могут по-разному относиться к предлагаемому им варианту решения. Среди них можно выделить тех, кто:

1) полностью согласен с этим вариантом;

2) лишь частично согласен с ним и имеет к нему замечания и дополнения;

3) занимает по отношению к нему нейтральную позицию, не вырабатывая определенного отношения;

4) полностью отвергает его, отдает предпочтение варианту другого кандидата или своему собственному.

Каким может быть содержание этих проблем и путей их решения с точки зрения тех или иных групп избирателей - это обычно и выясняют кандидаты и их группы поддержки, опираясь как на собственные исследования, осуществляемые с помощью или без помощи различного рода экспертов-консультантов, так и на уже проведенные специалистами исследования. И в том, и в другом случаях полученная информация служит основой выработки и апробации предвыборных программ.

Проблемы и пути их решения, содержащиеся в предвыборных программах, можно дифференцировать, во-первых, на экономические, социальные, политические и духовные, во-вторых, на стратегические и тактические, в-третьих, на общенациональные и региональные (местные). В любой избирательной кампании, как правило, функционируют все эти виды проблем. Но в одной из них могут доминировать одни виды проблем, в другой - другие.

Как показали опросы, проведенные автором этих строк в Дзержинском районе г. Новосибирска накануне декабрьских выборов 1993 г., избирателей беспокоило: некомпетентность лидеров, президента (20,0 процента), отсутствие гарантий прав и свобод граждан (10,7 процента), рост цен (4,1 процента), политическая нестабильность (6,4 процента), угроза распада России (5,8 процента), безработица

(5,4 процента), отсутствие лекарств (4,9 процента), отсутствие возможности приобретения продуктов первой необходимости (4,4 процента), коррупция госаппарата (4,1 процента).

Они считали, что для разрешения кризиса в стране надо поднять производство на госпредприятиях (50,0 процента), переизбрать президента (12,5 процента), снизить налоги (8,8 процента), провести перевыборы всех структур власти (7,2 процента), четко выполнять принятые решения (5,8 процента), восстановить связи с бывшими республиками СССР (5,2 процента). Идею создания Сибирской республики поддерживают только 4,4 процента опрошенных (11,2 процента - не поддерживают). Вину за события октября 93-го возлагают на Ельцина (37,5 процента) и Хасбулатова (16,0 процента), но не на Руцкого (0,0 процента).

Для предвыборных программ избирательных кампаний общенационального уровня характерны общенациональные проблемы, для предвыборных программ избирательных кампаний регионального (местного) уровня – региональные (местные) проблемы. Например, если на федеральных выборах декабря 1993-го большинство кандидатов от Новосибирской области выдвигало прежде всего такие проблемы, как реформирование страны, становление рыночной экономики, взаимоотношения между центральными российскими органами государственной власти и субъектами Российской Федерации, борьба с разгулом преступности, то весной 1994-го, баллотируясь в местные органы представительной власти, часть наиболее здравомыслящих кандидатов (в том числе и потерпевшие поражение в декабре 1993-го) в своих программных заявлениях и обращениях больше говорила уже о строительстве метро в г. Новосибирске, обеспечении города теплом и горячей водой, городском транспорте, укреплении городской милиции. В местных выборах преобладают тактические проблемы, в общенациональных стратегические.

3. Типология политических культур и субкультур

Предложенная выше дифференциация элементов политической культуры, понимание ее как относительно устойчивой системы знаний, оценок и норм политического поведения и политических отношений может служить вполне надежным основанием для типологии политических культур. Эти знания, оценки и нормы не только моделируют политику, но и *ориентируют* в ней политических субъектов. Различные их комбинации выступают в качестве ориентаций людей в политике и входят составной частью в *политические ориентации* в целом. Они составляют "внутреннее содержание", всеобщие, необходимые и достаточные элементы всякой всякой политической культуры.

В подобном направлении двигались многие исследователи политической культуры. К их числу принадлежат Г. Алмонд и С. Верба – те, кого принято считать классиками в данной области.

Основываясь на результатах массовых опросов населения Великобритании, Италии, Мексики, США, ФРГ и следуя веберовской традиции, Г. Алмонд и С. Верба открыли три идеальных ("чистых") прототипа политической культуры: **патриархальная политическая культура** (или "провинциалистская", "приходская политическая культура" – *parochial political culture*), **подданическая политиче-**

ская культура (или субъектная, "политическая культура зависимости" – subject political culture) и **активистская политическая культура** (или "политическая культура участия" – participant political culture). В основу этой классификации они кладут тип ориентации политического субъекта на "специализированные политические объекты" или "частотность различных видов когнитивной, аффективной и оценочной ориентаций в отношении политической системы в целом, аспектов ее входа и выхода и самого себя как политического субъекта" (*Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton. 1963. P. 17*). В одной "частотность ориентаций на специализированные политические объекты... достигает нуля". Другая характеризуется "высокой частотностью ориентаций в отношении дифференцированной политической системы, в то время как ориентации в отношении тех объектов, которые характеризуют вход, а также в отношении самого себя как активного участника находятся на нулевом уровне". В третьей "все ориентации достигают высокой частотности" (*Ibid. P. 19*).

Первая политическая культура доминирует в обществе, в котором еще не сформировалась или только стала формироваться политическая система. Здесь не существует ожиданий от политической системы и не имеется установок на ее изменение, нет специализированных политических ролей. Они не дифференцированы. Политические ориентации неотделимы от религиозных и социальных. Знания о государстве, эмоции и суждения о присущих ему ценностях почти отсутствуют. Основная часть населения аполитична, замыкается на своей приверженности родной деревне, родному городу или региону. Она характерна для слаборазвитых стран (например, африканских племен), но может сохраняться и в индустриально развитых странах (например, местных замкнутых общинах).

Вторая политическая культура характеризуется преимущественно пассивным отношением к политической системе. Здесь личность осознает особый авторитет правительства, испытывает по отношению к нему положительные и отрицательные эмоции, оценивает его как законное или незаконное, но она отстранена от конкретных механизмов политической системы, у ней отсутствует стремление к активному участию в функционировании политической системы. Государственная власть представляется в основном как источник норм, которые регламентируют общественную жизнь и которым следует подчиняться вследствие угрозы наказания или ожидания благ.

Третья политическая культура характеризуется отчетливой ориентацией индивидов на активную роль в политической системе вне зависимости от позитивного или негативного отношения к ее отдельным элементам или системе в целом. Люди считают, что источником принимаемых решений здесь является не только государственная власть, но и активность (участие) заинтересованных лиц и групп общества.

Сочетание этих трех "идеальных типов" образует "три типа систематически смешанных политических культур: 1) *патриархально-подданическую*, 2) *подданическо-активистскую* и 3) *патриархально-активистскую*" (*Ibid. P.23*), а также 4) *патриархально-подданическо-активистскую*. Для первого типа характерно то, что "значительная часть населения отвергает исключительные притязания диффузной племенной, деревенской или феодальной власти и проявляет лояльность в отно-

шении более сложной политической системы со специализированными центральными правительственными структурами" (*Ibid*). Почти все народы прошли через него. Особенность второго типа состоит в том, что значительная часть населения проявляет "специализированные ориентации на вход", "активистские самоориентации", а остальная - продолжает оставаться ориентированной в большей мере на авторитарную правительственную структуру, придерживается относительно пассивной системы ориентаций (например, в Германии, Италии, Франции XIX и XX вв.). Третий тип характерен для развивающихся стран, избравших путь западной демократии, задача которых – не разрушая патриархальные системы на выходе, превратить их в группы интересов на входе.

Последний (четвертый) тип смешанной политической культуры формируется по мере совершенствования политической системы, когда патриархальные и подданические ориентации адаптируются к активистской политической культуре и поглощаются ею. Это есть такой тип, в основе которого лежит активистская политическая культура, интегрировавшая отдельные элементы патриархальной и подданической политических культур. Для него характерно, что граждане активно участвуют в политике, чтобы сообщить (но не навязать) свои предпочтения правительству, и вполне осознанно дают ему значительную свободу для маневра.

Г. Алмонд и С. Верба считают его наиболее оптимальным и называют "**культурой гражданина**" (*civic culture*), или "**гражданской культурой**". Наиболее явно он проявился, по их мнению, в США и Великобритании, а другие страны имеют от него ту или иную степень отклонения.

В данной концепции чрезвычайно важным представляется выделение в качестве основания типологии политической культуры дифференциация *ориентаций* политических субъектов. Эти ориентации составляют "внутреннее содержание", всеобщие, необходимые и достаточные элементы всякой политической культуры, в том числе и различных ее субкультур.

С точки зрения американского политолога Д. Элазара, политическая культура США есть синтез трех политических субкультур: "индивидуалистической", "моралистической" и "традиционалистической". Эти субкультуры, по его мнению, уходят корнями в политический порядок, рассматриваемый, во-первых, как рынок (*marketplace*), во-вторых, как содружество (*commonweation*) (см.: *Elazar D. J. Cities of the Prairie: The Metropolitan Frontier and American Politics*. N. Y. 1970. P. 258–264).

Х. Экстайн (США) предложил подразделить политическую культуру западных стран на три типа: 1) относящуюся к политической системе, основанной на согласии (Великобритания); 2) относящуюся к политической системе, основанной на механизме интеграции, внутреннее сцепление которой обеспечивается исключительно принципом разделения политической ответственности (США); 3) относящуюся к общинной политической системе, основанной на отношениях солидарности между обособленными группами (Норвгия).

Г. Лембух (ФРГ) насчитывает три типа политических культур, в которых доминируют: 1) модели конкуренции (в ней конфликты преодолеваются, когда определенное решение получает поддержку необходимого большинства голосов тех, кто причастен к принятию решения); 2) модели пропорционализма (в ней фор-

мально конфликты решаются в рамках модели конкуренции, но фактически основным средством их преодоления является сотрудничество между правительством и парламентом); 3) модели бюрократической иерархии (в ней пути решения конфликтов определяются авторитарными методами).

А. Липхарт (Нидерланды) выделяет типы политической культуры, основанные на: 1) демократии товарищества (консониальной демократии), характеризующейся резко выраженной социальной неоднородностью общества, отличающегося высокой организованностью (Нидерланды); 2) центробежной демократии, для которой свойственны социальные иммобилизм и нестабильность (Франция III и IV республик, Италия, Веймарская Германия); 3) центростремительной демократии с присущей ей однородностью и высоким уровнем стабильности (см.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. С. 182–196*).

Е. Вятр различает политическую культуру докапиталистических обществ и политическую культуру капиталистических обществ. В каждой из них выделяет основные и второстепенные типы. К основным типам политической культуры докапиталистических обществ он относит племенную, теократическую и деспотическую, называя их традиционными, к второстепенным - патрицианскую и дворянскую, называя их политической культурой сословной демократии. Капиталистическому обществу, с его точки зрения, присущи: буржуазно-демократическая и авторитарная политические культуры. Первая из них подразделяется на консервативно-либеральную и либерально-демократическую, а вторая – на авторитарную и тоталитарную. Кроме того, он называет политическую культуру социалистической демократии (см.: *Вятр Е. Социология политических отношений. С. 270–271*).

Авторы "Современного Левиафана" Ф. М. Бурлацкий и А. А. Галкин строят такую базовую модель типологии политической культуры:

1) архаическая политическая культура, характеризующаяся отсутствием дистанции между обществом и государством, высоким уровнем коллективизма и активности граждан при решении общих проблем;

2) элитарная политическая культура, характеризующаяся углублением дистанции между гражданским обществом и государством, ослаблением чувства коллективизма, отстранением основной части общества от решения политических проблем, низким уровнем политической активности большинства его членов;

3) представительная политическая культура, характеризующаяся возникновением опосредованных форм связи между гражданским обществом и политической системой, сочетанием индивидуальных и коллективных форм поведения, более высокой, чем при элитарной политической культуре, степенью политизации общества;

4) политическая культура высокой гражданственности, характеризующаяся ликвидацией дистанции между гражданским обществом и политической системой, их слиянием, высоким уровнем коллективизма, перманентной политической активностью во всех сферах общественной жизни (см.: *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. С. 212–213*).

Э. Я. Баталов выделяет рыночную политическую культуру и этатистскую политическую культуру. Первая связывает решение политических проблем с механизмами купли-продажи, ориентирует на конкуренцию, партикулярное (индиви-

дуальное, групповое, национальное) существование, стихийность и антибюрократизм, вторая связывает решение политических проблем с механизмами государственного регулирования, ориентирует на приоритет государственных интересов по отношению к партикулярным интересам, организованность, бюрократическое управление (см.: *Баталов Э. Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 51–54).

В основу классификации политических культур может быть положена, как нам представляется:

во-первых, **спецификация направленности их моделирования и регулирования, того, что они моделируют и регулируют;**

во-вторых, **спецификация способов моделирования и регулирования, того, как они моделируют и регулируют.**

Первая составляет спецификацию содержания политической культуры, вторая – спецификацию ее формы. Это – **два наиболее фундаментальных, общих и достаточно абстрактных критерия дифференциации политических культур.**

Моделирование и регулирование может быть направлено либо на тотальные (целостные) социальные единицы человеческого бытия (на социальные общности, коллективы), либо на индивидуальные его единицы (на человеческих индивидов). В первом случае мы имеем **социально-направленную политическую культуру** (например, направленную на ту или иную политическую партию), во втором – **индивидуально-направленную политическую культуру** (например, направленную на личность тех или иных кандидатов на государственную должность).

Способы же моделирования и регулирования в указанных направлениях определяются:

во-первых, **степенью рациональности-иррациональности** содержащихся в политической культуре моделей;

во-вторых, **степенью их символичности-прагматичности;**

в-третьих, **степенью диалогичности-монологичности** их взаимоотношений с другими идеями (и культурами). Начнем с первого критерия – степени рациональности-иррациональности.

Всякая культура несет в себе рациональные (осознаваемые) и иррациональные (неосознаваемые) пласты. Поэтому в качестве критерия типологии политических культур может выступать **степень их рациональности**, которая имеет важное методологическое и общекультурологическое значение, лежит в основе более фундаментальных философских дифференциаций.

Оппозиция рационализма и иррационализма является едва ли не основной в истории философии. Развернувшаяся здесь дискуссия по проблеме рациональности привела в свое время к формированию целых философских школ и направлений, в частности, классического рационализма 17–18 вв., противостоящего не только средневековой схоластике, религиозному догматизму, всякому иррационализму вообще, но и сенсуализму (эмпиризму) нового времени. Проблема рациональности рассматривалась такими философами первой половины XX столетия, как А. Бергсон, Э. Гуссерель, М. Хайдеггер, К. Ясперс.

В начале XX века М. Вебер возрастание рациональности положил в основу классификации своих идеальных типов социального действия (выделив реактив-

но-подражательное, традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное социальное действие) и идеальных типов общества (выделив традиционное и индустриальное общества), а К. Юнг – в основу классификации психологических типов людей (выделив у них рациональные и иррациональные психические функции). Мера рациональности составляет сущностную характеристику различий таких глобальных типов культуры, какими являются культура Запада, культура Востока и культура России, о чем говорили, например, многие участники "круглого стола", проведенного в 1992 году в теоретическом клубе "Свободное слово" при Союзе кинематографистов России (см.: *Россия и Запад: взаимодействие культур. Материалы "круглого стола" // Вопр. философии. 1992. № 6*). Она составляет определяющую характеристику выделенных выше типов политических моделей.

Сама же рациональность, как заметил В. С. Швырев, должна быть понята достаточно широко, в русле лучшей философской традиции. Ее надо освободить от ограниченностей и деструкций, перестать сводить лишь к научному познанию (см.: *В. С. Швырев. Рациональность как ценность культуры // Вопр. философии. 1992. № 6*), к способности эффективного решения задач. Более того, она не может быть сведена к знанию вообще.

По К. Хюбнеру, "рациональность выступает всегда в одинаковой форме, а именно: *семантически* - как тождественное фиксирование правил определенного смыслового содержания..., *эмпирически* – как применение всегда одинаковых правил объяснения..., *логико-оперативно* – как применение расчета (калькуляции)..., *нормативно* – как сведение целей и норм к другим целям и нормам... Рациональность, следовательно, есть нечто *формальное*. Оно относится только к уже положенному содержанию, например, к содержанию науки или содержанию мифа" (*Hubner K. Wie irrational sind Mythen und Gotter? // Der Wissenschaftler und das Irrationale. Frankfurt a M..1981. Bd. 1. S. 35*). Г. Ленк насчитывает двадцать одно значение термина "рациональность" (см.: *Lenk H. Typen und Systematik der Rationalitat // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalitat. Freiburg-Munchen. 1986. S. 20–21*).

Рациональность – рассудочное и разумное в образе жизни и деятельности людей (причем не только познавательной, но и практической). Она появляется в культуре лишь на определенной стадии ее развития, формируется как специфический тип ориентации людей в мире, связана с определенными типами его нормативно-познавательно-оценочных моделей, своеобразными способами работы с ними. Со времен Платона, Аристотеля, Августина, Фомы Аквинского, Вильгельма Оккама, а затем Декарта, Лейбница, Локка, Канта, Фихте, Гегеля понятие разума являлось одним из ключевых в философии.

Согласно И. Канту, мышление выступает как способность формулировать единство в сфере человеческого опыта. В нём выделяются два уровня: рассудок, создающий единство посредством правил (категорий), и разум, создающий единство правил рассудка по принципам, т. е. организующий не чувственный материал, не опыт, а сам рассудок. Разум применяется двумя способами: формально (логически) и реально (трансцендентально). В первом случае разум производит опосредованные выводы (умозаключения), во втором – понятия, или идеи. Последние же есть *телеологический закон, целесообразное* (телеологическое) единство, един-

ство через цель и целей, детерминирующих (побуждающих) действия (и высказывания) людей. Основная функция разума – указывать цели и устанавливать иерархию целей человеческой деятельности. Высшее понятие разума – это идея блага. Действовать (и высказываться) разумно – значит руководствоваться идеей блага, выбирать (посредством воли) только то, что разум признает практически необходимым (целесообразным), т. е. добрым (см.: *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 340, 341, 346, 581–582, 586, 591; М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 250).

Рассмотрение сущности разума через понятие цели характерно также для Платона, Аристотеля, средневековой традиции, Лейбница. В частности, Аристотель основной функцией разума считал постижение целей, блага, наилучшего (см.: *Аристотель.* Соч.: В 4-х т. М., 1876. Т. 1. С. 68, 70, 96–97, 101, 246).

Рациональная культура характеризуется доминированием в ней, во-первых, нацеленных на миропонимание более или менее адекватных и глубинных (открывающих глубинные слои бытия) знаний, во-вторых, морально-правовых норм, определяющих исходные ориентиры людей в их взаимоотношениях друг с другом, в-третьих, программ, регулирующих реальное поведение людей и ориентирующих их не только в предметном мире, но и в смысложизненных ценностях и идеалах, в-четвертых, индивидуально-авторского (а не коллективно-анонимного) начала, в-пятых, теоретических построений (с использованием гипотез, эксперимента, дедукции, целостных схем-моделей), нормативно-ассимиляционной упорядоченности (организованности) и творчески-конструктивной самокритики. Иррациональная же культура – это то, что К. Юнг назвал "коллективным бессознательным, и куда относят такие явления, как игру, ритуалы (например, шаманизм), мифы (по Юнгу – "коллективные сновидения"), религию, искусство (глубочайшие корни которого, по мнению О. Ранка, уходят в "аутопластическую имитацию" вырастания и высвобождения из материнского чрева). Она, следовательно, характеризуется доминированием в ней чисто игровых, традиционно-нормативных, мифологических, религиозных, оценочных (идеологических), художественных идей-моделей.

Иррациональность часто понимается как нечто лежащее "вне логики, вне самого разума...", как бытийность, вне сознания существующая и именно в этом качестве – "нечто вне"..." (*Библер В. С.* Из "заметок впрок" // *Вопр. философии.* 1991. № 6. С. 23). Она "апеллирует не к разуму, а к чувствам" (*Реймерс Н. Ф., Шупер В. А.* Кризис науки или беда цивилизации? // *Вопр. философии.* 1991. № 6. С. 74). "А ведь именно такая "слепая" стихия и получила в философии – начиная с античности – характеристику "иррациональной"... Согласно неокантианцам, сущее по своей природе иррационально, и только трансцендентальный субъект вносит в мир рациональное начало, оформляя хаотическое многообразие с помощью категорий рассудка... или регулятивных идей разума... Бытие иррационально, и только субъект вносит в него смысл и порядок" (*Гайденко П. П.* Под знаком меры (либеральный консерватизм П. Б. Струве) // *Вопр. философии.* 1992. № 12. С. 62).

Другой критерий типологии политических культур – **степень символичности-прагматичности**. Любая политическая культура всегда так или иначе соотносена, во-первых, с действительным миром политики, во-вторых, с другими политическими культурами. Первые отношения в свою очередь также бывают двоякого рода: либо символическими (семантическими), либо прагматическими (символ от

греческого слова *symbolon* – знак, опознавательная примета; прагматизм от греческого слова *pragmatos* – дело, действие). Символические отношения есть отношения замещения (выражения, моделирования) политической действительности, прагматические – отношения регулирования этой действительности и включенности в неё. Политическая культура в той или иной степени символична (т. е. соотнесена с действительным миром политики, замещает, выражает его собой) и прагматична (т. е. соотнесена с его субъектами, включена в их деятельность и взаимоотношения).

В символической политической культуре доминирует символизация политического мира, в прагматической – его прагматизация. В первой преобладают слова (высказывания), во второй – дела (действия). Для прагматической политической культуры наибольшей значимостью обладает практика, для символической – её знаковое выражение.

Поэтому способы моделирования и регулирования определяются доминированием тех или иных содержащихся в политической культуре моделей:

а) **рационально-нормативных и интегративных** (в этом случае мы имеем рационально-прагматический способ моделирования и регулирования, рационально-прагматическую политическую культуру);

б) **познавательных** (в этом случае мы имеем рационально-символический способ моделирования и регулирования, рационально-символическую политическую культуру);

в) **традиционно-нормативных** (в этом случае мы имеем иррационально-прагматический способ моделирования и регулирования, иррационально-прагматическую политическую культуру);

г) **игровых, мифологических теологических, художественных** (в этом случае мы имеем иррационально-символический способ моделирования и регулирования, иррационально-символическую политическую культуру).

Из вышеизложенного следует, например, что **рационально-прагматическая политическая культура основана на доминировании в ней рационально-нормативных идей и программ.**

Субъекты политики ориентированы здесь преимущественно на политические программы. Это находит свое отражение в политической практике. Проведенный накануне выборов в Верховные Советы Союзных Республик и местные советы 1990 г. опрос почти четырёх тысяч жителей городов и сел двух областей Нечерноземной зоны РСФСР, Татарской АССР и Донецкой области показал, что избиратели готовы отдать предпочтение прежде всего тем кандидатам, которые предложат им наиболее конструктивную, реалистичную и близкую их интересам программу: 50–60 % опрошенных выдвинули это качество на первое место.

Кроме того, **политическая культура может быть диалогической** (открытой) **или монологической** (закрытой). "Разум *современный*, XX (?) века, диалогический" (*Библия В. С.* Из "заметок впрок" // *Вопр. философии.* 1991. № 6. С. 43). "XX век выявил необходимость общения (а не гегелевского "снятия") уникальных, несводимых друг к другу, но – диалогически обращенных друг к другу культур" (*Там же.* С. 37) и политических культур – тоже. О различии открытой (диалоговой) и закрытой (монологической) рациональности писал В. С. Швырев (см.:

Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопр. философии. 1992. № 6. С. 98–99).

Поэтому способы моделирования и регулирования определяются диалогическим или монологическим характером взаимоотношений данной политической культуры с другими политическими культурами. В этих случаях мы имеем диалогический или монологический способы моделирования и регулирования, диалогическую или монологическую политическую культуру. Соединенные с критериями рациональности-иррациональности, символичности-прагматичности они дают определенный набор спецификаций способов моделирования и регулирования политики и соответствующих им типов политических культур.

Таким образом, политическая культура или субкультура может быть:

- а) подданнической и гражданской;
- б) иррационально-монологической и рационально-монологической;
- в) иррационально-диалогической и рационально-диалогической;
- г) прагматико-монологической и прагматико-диалогической;
- д) символически-монологической и символически-диалогической;
- е) иррационально-символической и рационально-символической;
- ж) иррационально-прагматической и рационально-прагматической;
- з) индивидуально-направленной и социально-направленной.

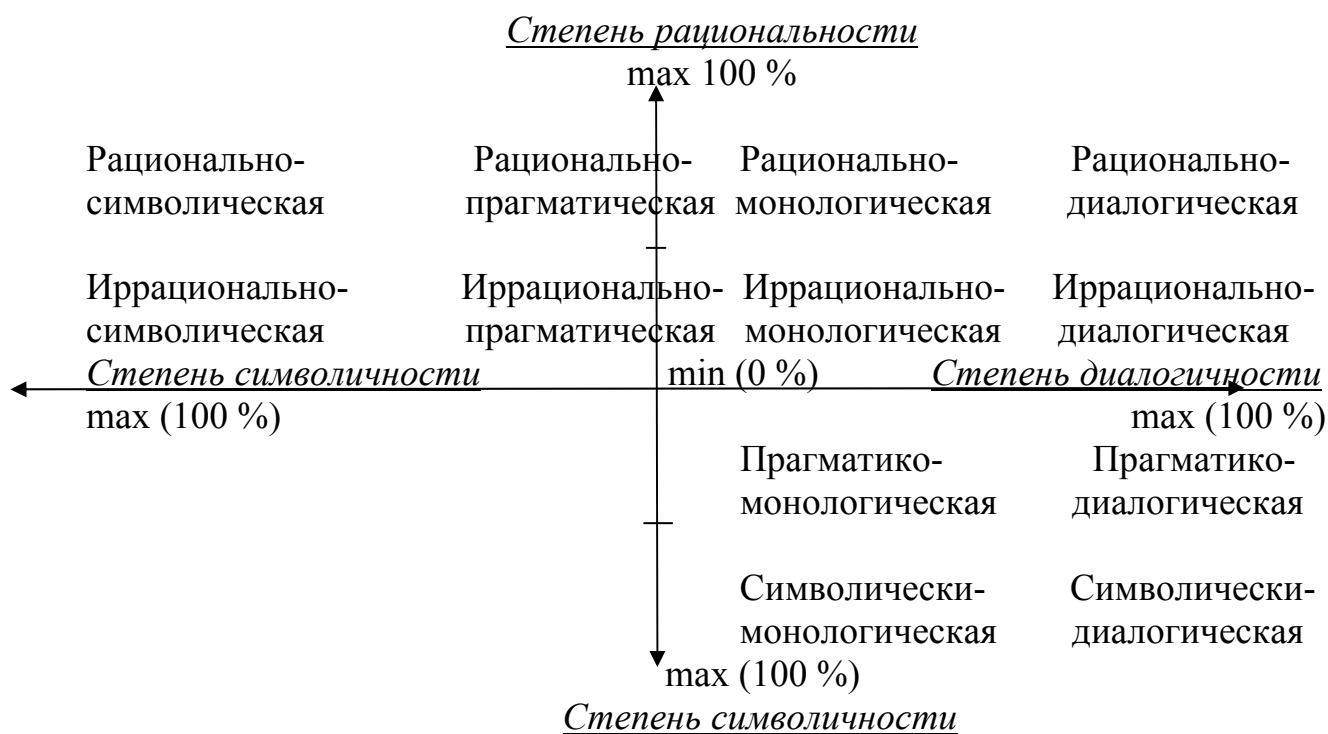

Рис. 3.1. Основные виды политических культур и субкультур (по степени рациональности, диалогичности, прагматичности и символичности)

Если сопоставить эти спецификации с ранее выделенным нами критерием направленности политической культуры, то выясняется, что **социально-направленная политическая культура всегда носит монологический иррациональный характер**. Она может быть либо **иррационально-символической**

монологический, либо иррационально-прагматической монологический. Индивидуально-направленная политическая культура может быть иррационально-символической монологической (объектной – рассматривающей другого индивида в качестве объекта, а не субъекта политики), иррационально-прагматической монологической (объектной), рационально-символической диалогической (субъектной – рассматривающей другого индивида в качестве субъекта политики, а не его объекта) и рационально-прагматической диалогической (субъектной). Рациональная личностно-направленная политическая культура всегда диалогична. "Диалогическое отношение как единственная форма отношения к человеку-личности, сохраняющая его свободу и незавершенность" (Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 317); "личность не объект, а другой субъект" (Там же. С. 326).

Выделенные нами типы политических культур – это, если следовать кантовско-веберовской традиции, "чистые идеальные типы", теоретические (идеальные) конструкции (схемы, модели). Они "быть может, так же мало встречаются в реальности, как физические реакции, которые вычислены только при допущении абсолютно пустого пространства" (Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Bd. 1–2. Köln-Berlin, 1964. Bd. 1. P. 10), не извлекаются из политической практики и эмпирических данных, а являются "созданным нами самими чисто мыслительным образованием", рассматриваются "не как цель, а как средство" познания, как масштаб для последующего соотнесения с ними эмпирической реальности (Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen, 1951. P. 192–194, 197, 287), представляют собой вариант кантовских синтетических понятий, описанных во "Введении" к "Критике чистого разума".

Социально-направленная иррационально-символическая монологическая политическая культура характеризуется высокой символизацией элементов политики, которые делятся на те, которые имеют определенное значение (являются значимыми, выраженными), и на те, которые такого значения не имеют (являются сущностными). Вторые как бы перестают существовать для участников политики, переводятся ими в небытие. Реальная сущность происходящего отделяется от его знаковой сущности. Здесь доминируют слова, знаки, символы, а не реальные действия и вещи. Высока роль ритуала. Большинство политических процедур ритуализируются, требуют ритуала и становятся ритуалом. Конкуренция между политиками ощущается, воспринимается, вспоминается, представляется, воображается как конкуренция за место в должностной государственной иерархии и место в общественной системе в целом. Проигрыш означает потерю соответствующего места в политической иерархии, своего значения в политической системе и, следовательно, политическую гибель, политическое небытие.

Социально-направленная иррационально-прагматическая монологическая политическая культура характеризуется практицизмом участников политики. Они ставят перед собой реальные (достижимые) цели и не жертвуют интересами "дела" ради мнимой (с их точки зрения) значимости. Здесь доминируют дело, практическая деятельность, сущностное, здравый смысл, а не слово, значимое, выраженное, символическое, ритуальное, игровое, мифическое, традиционно-нормативное, святое. Высоко ценятся полезные знания и недооценивается теоретическое мыш-

ление. Практика становится мерой реальности. Несущественное для субъекта исключается из политической культуры. Отсюда ее упрощение, неудавшаяся попытка десемантизации. Значение того или иного элемента политики определяется не его соотносительностью с сущностями другого ряда, а включением в определенный ряд, принадлежностью к какому-нибудь целому. Целое доминирует над частями, общее - над частным. Единица вне системы значения не имеет, воспринимается враждебно. Сама же система строится как изменяющаяся по мере присоединения к ней новых элементов. Старое – плохое, неценное, хаотическое состояние единиц, новое – хорошее, достойное, ценное, организованное, подчиненное правилам соединения элементов в целое.

В обеих политических культурах личность не автономна, не самостоятельна. Ее насущные потребности либо признаются низменными (унизительными), либо вообще объявляются несуществующими.

Индивидуально-направленная иррационально-символическая монологическая (объектная) политическая культура освобождается от практицизма и господства коллектива. Здесь доминирует иррациональность, символизм, направленность на индивида и его слово, а не на коллектив и практицизм. Но сам индивид рассматривается как объект чужого влияния, с которым в лучшем случае можно вести назидательный монолог, но не равноправный диалог. Индивидуально-направленная иррационально-прагматическая монологическая (объектная) политическая культура, сохраняя черты индивидуально-объектной направленности, иррационализма, монологизма, оказывается ориентированной на практику.

Индивидуально-направленная рационально-символическая диалогическая (субъектная) политическая культура, наоборот, рассматривает всех участников политики как равноправных и равнозначных субъектов. В ней доминируют рациональность и символизм. Индивидуально-направленная рационально-прагматическая диалогическая (субъектная) политическая культура освобождается от власти слов и от власти целого (коллектива) над частями (личностями). Личность имеет самостоятельную ценность вне зависимости от того, кого она представляет. Общество (народ, целое) – объединение личностей. Здесь доминирует направленность на личность и дело, а не на коллектив и слово.

Кроме того, **политическая культура может быть ориентированной преимущественно либо на прошлое, настоящее или будущее, либо на "здесь" (например, Россию) или "там" (например, Запад-Север или Восток-Юг).** В соответствии с этим можно выделить следующие типы политических культур, теоретически возможных, например, в России: **ориентированную на настоящее, прошлое или будущее Запада (Севера), ориентированную на прошлое, настоящее или само-бытное будущее самой России, ориентированную на прошлое, настоящее или будущее Востока (Юга).**

Те или иные выделенные нами ориентации так или иначе проявлялись в российской истории (например, при осуществлении петровских реформ начала 18 века или в известной дискуссии середины прошлого века между "западниками" и "славянофилами"). Проявляются они и в современной России, например, в выступлениях участников "круглого стола", проведенного журналом "Вопросы филосо-

фии" в 1992 году (см.: *Россия и Запад: взаимодействие культур*. Материалы "круглого стола" // *Вопр. философии*. 1992. № 6. С. 3–50).

Резюмируя существующие ныне в России взгляды на её будущее, А. А. Зиновьев выделил следующие варианты решения дилеммы "Запад-Россия" (в интерпретации К. М. Кантора): конвергенции, дивергенции, нольвергенции, трансвергенции со сверхзападной ориентацией и трансвергенции со сверхсамобытной ориентацией. Первый провозглашает необходимость соединения "преимуществ" социализма с "достоинствами" капитализма, второй обосновывает необходимость обособления России от Запада и от неславянских республик бывшего СССР, третий рекомендует слегка отступить к доперестроечной поре и утвердить умеренное взаимодействие России и Запада, четвертый предлагает ради "спасения" России полностью уподобить ее Западу, пятый предполагает Запад во всем уподобить России (см.: *Кантор К. М. Путь к цивилизации – каков он?* // *Вопр. философии*. 1992. № 11. С. 35).

Библиографический список

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. – 1992. – № 4.
2. Баталов Э. Я. Политическая культура современного американского общества. – М., 1990.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
4. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. – М., 1985.
5. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979.
6. Гаджиев К. С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования. – 1991. – № 6.
7. Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система. – Новосибирск, 1995.
8. Давидович В. Е., Жданов Ю. А. Сущность культуры. – Ростов-на-Дону, 1980.
9. Кейзеров Н. М. О соотношении гражданской и политической культур // Социально-политические науки. – 1991. – № 7.
10. Кейзеров Н. М. О соотношении категорий «власть» и «политическая культура» // Советское государство и право. – 1983. – № 1.
11. Концепция политической культуры в политической науке США // Мирное сосуществование и социально-политическое развитие: Ежегодник Советской ассоциации политических (государствоведческих) наук, 1976. – М.: Наука, 1977.
12. Крымский С. Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. – 1992. – № 12.
13. Лотман Ю. Статьи по типологии культуры. – Тарту, 1970. – Вып. I.
14. Лотман Ю. Структура художественного текста. – М., 1970.
15. Лотман Ю., Успенский Б. О семиотическом механизме культуры // Труды по знаковым системам. V. – Тарту, 1971.
16. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., 1978.
17. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. Логико-методологический анализ. – М., 1983.
18. Маркарян Э. С. Культура как система // Вопросы философии. – 1984. – № 1.
19. Межуев В. М. Культура как философская проблема // Вопросы философии. – 1982. – № 10.
20. Моль А. Социодинамика культуры. - М., 1973.
21. Назаров М. М. Типы политического сознания (Москва, середина 1991 г.) // Социологические исследования. – 1992. – № 6.
22. Политическая культура России. – М., 1990. – Вып. 4.
23. Роберт Г. М. Азы парламентской культуры. – Нью-Йорк, 1992.
24. Савранский И. Л. Коммуникативно-эстетические функции культуры. – М., 1979.
25. Тыщенко В.П. Философия культуры диалога. Введение. – Новосибирск, 1993.

26. Фаркушин М. Х. Политическая культура общества // Социально-политические науки. – 1991. – № 4.
27. Хейзинга Й. Игровой элемент современной культуры // Политические исследования. – 1991. – № 5.
28. Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. – 1992. – № 6.
29. Штаерман Е. М. Проблемы культуры в западной социологии // Вопросы философии. – 1967. – № 1.

Гомеров Игорь Николаевич

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Лекция

Игорь Николаевич Гомеров – профессор Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2), доктор политических наук (МГУ, 1996), профессор (1997), действительный член Академии политической науки и Академии гуманитарных наук, вице-президент Сибирской академии политических наук. Основные научные интересы связаны с исследованием политических технологий, государственной власти, политической культуры, политической субъектности, политической деятельности и политических отношений. Общий объём опубликованных научных и учебно-методических работ – более 453 п. л. Автор нескольких десятков научных статей, более 30 монографий, книг, брошюр и учебных пособий, в том числе монографий (электронный доступ: сервер Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/ek.htm>. © Гомеров И. Н.):

Гомеров И. Н. Архитектура выборов: маркетинговый подход. Новосибирск, 1993. 315 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура. М., 2002. 832 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Демократизация политической системы России: актуальность, проблемы, перспективы. Новосибирск, 2012. 138 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov2.pdf>). © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Партийно-личностные ориентации избирателей. Новосибирск, 1994. 118 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политика: предпосылки, элементы, специфика. Новосибирск, 2006. 245 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политическая деятельность: психолого-политологический анализ. Новосибирск, 2010. 550 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov.pdf>). © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политическая культура как моделирующая система. Новосибирск, 1995. 122 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политическая система общества: компоненты, структура, функции. Новосибирск, 1992. 153 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск, 2011. 885 с. (электронный доступ: <http://www.spsl.nsc.ru/win/nelbib/elbook/gomerov1.pdf>). © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Политология как наука и учебная дисциплина. Новосибирск, 1999. 223 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Структура и свойства власти. Новосибирск, 2000. 236 с. © Гомеров И. Н.

Гомеров И. Н. Электоральная культура и технология выборов. Новосибирск, 1998. 252 с. © Гомеров И. Н.